

³⁶ Цит. по Монголпресс. 1990, ноябрь.

³⁷ Цит. по Интернационалист. 1990, 13 дек.

³⁸ Михайлов Г., Яцковская К. Монгольская литература. Краткий очерк. М., 1969. С. 145.

³⁹ Шинкарёв Л.И. Указ соч.— С. 27.

⁴⁰ Лиштованный Е.И. Из истории обучения монгольских граждан в Восточной Сибири (1920-е-1980-е годы). Иркутск, 1992. - С. 30.

⁴¹ Монголия сегодня. 2004, 23 янв.

⁴² Цит. по Шинкарёв Л.И. Указ. соч.— С. 75.

⁴³ Монголия сегодня. 2004, 23 янв.

⁴⁴ Интернационалист, 1990, 6 сент.

⁴⁵ Монголпресс. 1991, янв.

⁴⁶ Интернационалист. 1990, 30 авг.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Монголия. 1990. №5. С. 8.

Матвеева Е. А.

Иркутский Государственный Университет

ИТАЛЬЯНСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ОТ «ЕВРООПТИМИЗМА» К «ЕВРОРЕАЛИЗМУ»

Затянувшийся кризис процесса европейского строительства, который часто рассматривается, прежде всего, как кризис доверия европейских граждан по отношению к брюссельским «еврократам», привлекает все больше внимания к изменениям настроений европейцев в отношении Европейского Союза, фиксирующихся в разнообразных опросах общественного мнения. Итальянцы традиционно считались и сами себя считали убежденными евроэнтузиастами. В период с 1981 по 1996 гг. в среднем 85 % опрошенных высказывались в поддержку объединения Европы, в то время как среднеевропейский уровень равнялся 75%¹. Этот факт делает еще более актуальным вопрос о характере и причинах поддержки европейского проекта со стороны итальянских граждан.

Качественный скачок, который произошел в процессе интеграции в начале 1990-х гг. с подписанием Маастрихтского договора и дальнейшим созданием валютного союза, означал серьезные проблемы для Италии. Она стала фактически символизировать собой образец крайней степени несоответствия тем критериям и параметрам, установленным договором, которые обязалась исполнять, страной, состояние государственных финансов которой настолько расходилось с европейскими стандартами, что ее шансы на вхождение в валютный союз с первой группой стран, как считалось, были равны нулю. Несоблюдение же этих критериев означало автоматическое исключение - решение неприемлемое скорее в эмоциональном, нежели в политическом плане, для политической, экономической и культурной элиты страны, поэтому вступление с первой группой в 1999 г. стало в этот момент основной целью итальянских правительств. Это потребовало серьезных экономических жертв со стороны населения, которые оправдывались необходимостью для Италии «быть в Европе», в том числе введение так называемого «евроналога». Но даже после этого итальянское

общественное мнение в большинстве своем оставалось благосклонным по отношению к Евросоюзу.

Столь высокий уровень поддержки традиционно объясняется тем, что чувство принадлежности к Европе означает для итальянцев больше форму идентичности, нежели форму экономической ассоциации. «Европа» подразумевает и экономическое измерение, но прежде всего она рассматривается как своеобразный клуб, к которому итальянцы хотят принадлежать, гордятся этой принадлежностью и считают ее причиной тех процветания и стабильности, которыми они обладали последние пятьдесят лет. Поддержка Европы видится многими, таким образом, как по большому счету не зависящая от расчетов относительно затрат или прибыли от участия².

Данные опросов общественного мнения, однако, не подтверждают эту точку зрения. Та методика, которая используется для опросов Евробарометра (статистической службы, действующей при Европейской Комиссии) позволяет выделить два различных уровня поддержки по отношению к ЕС.

Первый уровень, так называемая «абстрактная» поддержка, указывает на то, как граждане относятся к процессу интеграции в целом, и именно этот показатель приводится обычно как свидетельство высокой степени европеизма итальянцев и остается стабильно высоким на протяжении длительного периода. Показатели же относящиеся ко второму уровню «специфической»³ поддержки являются и более низкими, и более нестабильными. Степень такой поддержки определяется через вопросы о том, является ли благом принадлежность страны к ЕС, получает ли выгоду страна от членства в Евросоюзе, а также через вопросы о поддержке конкретных шагов или элементов интеграционного процесса. Анализ данных за 1992-2005 гг. позволяет говорить о серьезном снижении числа итальянцев, считающих благом членство в ЕС с 71% до 50% (если за наивысшую точку брать данные за 1988 г. - 83% ответивших положительно, то падение уровня поддержки за 17 лет составило 33%). Важно отметить и то, что в 2005 г. этот показатель для Италии впервые не превышал среднеевропейский. То же можно заметить и обращаясь к вопросу о том, получает ли Италия выгоду, участвуя в ЕС. Хотя в этом случае трудно установить четкую тенденцию к уменьшению или увеличению числа тех, кто отвечает положительно - этот уровень колебался от 41% до 57% в тот же период времени, но только в 2005 г. он опустился ниже среднего по всем странам Евросоюза. Кроме того, по сравнению с данными на конец 80-х гг. сокращение числа положительных ответов заметно - в 1988 г. они составляли 75%⁴.

Говоря об уровне поддержки итальянцами конкретных составляющих европейской интеграции, нужно отметить значительное сокращение числа итальянцев положительно относящихся к введению единой валюты. Если в 1998 г., сразу после того, как стало известно о том, что Италия будет

допущена в еврозону с первой группой стран, это число составляло 88%, то в 2005 г, оно сократилось до 67%⁵. Эти показатели указывают на то, что на смену прочной вере итальянцев в Европу пришел «еврореализм», под которым понимается «чувство отстраненности от «Европы евро», которая начинает восприниматься как необходимость, а не как источник конкретных выгод или преимуществ»⁶, и то, что итальянцы в большей степени выражают энтузиазм в отношении процесса интеграции, нежели убеждены в тех выгодах, которые этот процесс принесет для их страны.

Основным фактором, который использовался и продолжает использоваться для объяснения высокой степени поддержки европейской интеграции среди итальянцев, их «еврофилии», как правило, является утверждение о слабости итальянской национальной идентичности или незавершенности процесса ее формирования.

По мнению сторонников этой версии, тот факт, что в Италии нация была творением унитарного государства, то есть фактически узкого круга политической элиты, изначально указывал на ее слабость и неспособность вызвать общее чувство принадлежности во всех слоях общества. Именно поэтому идея нации и отечества на протяжении двадцати лет идентифицировались с фашистским режимом. Кризис и крах последнего означал также и крушение государства, и кризис национальной идеи. В послевоенное время в обстановке холодной войны та бездонная пропасть, которая разделила христианско-демократический и коммунистический лагеря также как разделила проамериканский и просоветский блоки, означала не только политическую поляризацию, но и раскол общества. Идеологически трения пропитывали повседневную жизнь обычных людей, обе ведущие политические силы страны идентифицировали и подчиняли национальные интересы страны интересам двух сверхдержав.

После окончания холодной войны на смену идеологическому расколу на первый план выступил другой, преследовавший Италию еще со времени объединения - раскол между экономически развитым Севером и отсталым Югом, проявившийся в возникновении на севере страны новой политической силы - автономных лиг, объединившихся на рубеже 1990-х гг. в Лигу Севера, программа которой опиралась на требования автономии и даже независимости для «Падании», представлявшейся как «естественное культурное, социальное, экономическое сообщество, основанное на общих ценностях, культуре и истории» и объединяющее северные регионы Италии.

Именно такой печальный опыт национального строительства, согласно Фредерико Манчини, является объяснением не стремления итальянцев к созданию новой европейской нации взамен итальянской, а поддержки ими идеи многокультурных «Соединенных Штатов Европы»⁷. В подтверждение

последнем утверждении можно привести данные опроса, проводившегося осенью 1992 г. в период ратификации Маастрихтского договора, согласно которым только 18 % итальянцев считали, что создание Европейского Союза будет означать конец для отдельных национальных идентичностей и их разнообразия. Ну» отметить, что число итальянцев, согласившихся с этим утверждением, было самым низким, а средний уровень по всем странам ЕЭС составлял 30% . Вместе с этим, 60% граждан Италии (наивысший показатель среди всех стран при среднем показателе 46%) согласились с утверждением, что Европейский Союз — это единственный способ защитить национальные идентичности и их разнообразие⁸.

Однако утверждение о слабости итальянской национальной идентичности опровергается большинством имеющихся в распоряжении данных, в первую очередь результатами опросов общественного мнения. Так, по многолетним данным Евробарометра, подавляющее большинство итальянцев заявляли о том что они испытывают чувство национальной гордости, кроме того, на протяжении десяти лет число их постоянно росло; от 79% в 1994 г., к 84% в 1999 г., 87 % в 2000 г., 90 % в 2001 г. и, наконец, к 93% в 2003 г.⁹

Кроме того, классическим показателем идентичности считается чувство привязанности к определенной территориальной общности: городу, региону, нации, Европе. В Италии согласно общераспространенному мнению, национальная идентичность ослаблена вследствие прочного чувства локальной привязанности итальянцев, прежде всего привязанности к родному городу.

Однако, Пьеранджело Изерния, исследователь из Сиенского университета, после исследования результатов многочисленных опросов разных лет, содержащих вопрос о территориальной привязанности, пришел к выводу, что тезис о слабости национальной идентичности просто неправильно сформулирован. Он полагает, что отличительной чертой Италии является не слабость национального чувства, а то, что это чувство принадлежности, в том числе вследствие значительной степени этнической однородности населения, является латентным, или само собой разумеющимся, банальным, и поэтому для того, чтобы оно проявилось, его необходимо «активировать»¹⁰. Так, Изерния установил, что результат во многом зависит от формулировки вопроса. Например, использование в нем таких слов как «географическая единица» или «общность» (вопрос в данном случае звучит как «К какой географической единице/ общности, по вашему мнению, вы принадлежите?»), уменьшает процент тех, кто выбирает в качестве таковой Италию. Если же в вопросе используются термины «родина» и «гражданин», то есть если он звучит как «Что из

следующего списка «Вы считаете своей родиной» или «Вы ощущаете себя гражданином ...» с последующим перечислением тех же территориальных общностей, то этот процент значительно увеличивается¹¹.

Интересно отметить, что при возможности множественного ответа, оказывается, идентичность итальянцев также оказывается «множественной», то есть в том случае, когда нет необходимости выбирать, они могут считать себя практически в равной степени привязанными и к городу (местности), и к региону, и к стране (примером может служить Евробарометр № 58 1999 г., когда 90%, 87% и 91% опрошенных итальянцев заявили о своей привязанности территориальным единицам в указанном выше порядке).

Что же касается европейской идентичности итальянцев, то согласно многолетним данным того же Евробарометра, то национальная идентичность и европейская не конфликтуют между собой, а являются взаимодополняющими. Большинство опрошенных считают, что важны обе эти идентичности, число их колебалось в 1993-2004 гг, от 58% до 73%. При этом «чистые» националисты, то есть те, кто признает исключительно принадлежность к итальянской нации, составляли от 22 до 35%, а «чистые» европейцы - от 3 до 6%¹². Таким образом, вопреки традиционному мнению, связывающему европеизм с проявлениями слабости итальянской национальной идентичности, данные опросов общественного мнения указывают на то, что он, напротив, связан с сильным чувством национальной принадлежности.

Почему, в таком случае, итальянцы значительно меньше, по сравнению с представителями других стран-участниц Европейского Союза, боятся разрушения своей национальной общности? Ответ на этот вопрос Фабрицио Баттистелли и Паоло Беллуччи пытаются дать, в очередной раз обращаясь к особенностям национальной идентичности. Они высказывают мнение, что в случае с Италией не может работать разделение всех наций на две категории: на политико-экономическую (гражданскую) модель нации, типичную для англичан, немцев и австрийцев, и этнокультурную модель, объединяющую восточноевропейские страны и Италию. Для национальной идеи последней характерно сочетание культурного и политико-гражданского измерений¹³. Так, например, опрос «Итальянцы и Европа», проводившийся университетами Сиены и Молизе в 1999 г., выделил отдельные компоненты, являющиеся предметом «национальной гордости» для граждан Италии. Наибольшее чувство гордости вызывает культурное наследие, спортивные и научные достижения, за нами следуют успехи итальянской экономики. Наименьшие результаты получили политические институты: 30% опрошенных испытывают гордость за политическое

влияние Италии в мире, 15% - за функционирование государственных институтов¹⁴.

Данные Евробарометров относительно степени доверия граждан по отношению к основным национальным и международным институтам также указывают на то, что национальный парламент, правительство и политические партии вызывают наименьшее доверие у итальянцев, осенью 2005 г. им доверяли соответственно 37%, 32% и 19% опрошенных. Этим показателям соответствует высокая степень доверия по отношению к Европейскому Союзу - 55 % в 2005 г. (средний показатель по ЕС составлял 45%)¹⁵, более высокие показатели, традиционно, только у армии и полиции, Италия на протяжении долгого времени остается единственной из всех членов Евросоюза страной, в которой большинство граждан выражают недовольство тем, как работает их собственная демократическая система. Осенью 2004 г. их доля составляла 52%, в 2003 г. - 66%, в 2002 г. - 65% опрошенных¹⁶.

Исходя из этого, широкая поддержка процессу интеграции среди итальянцев может объясняться, во-первых, сильным чувством национальной гордости в культурной сфере, которое не ставится под сомнение Европейским Союзом, и отсутствием страха утратить часть культурного наследия, вследствие осознания силы его сопротивления от посягательств извне. Во-вторых, она является следствием ограниченной политико-гражданской идентичности, и европейская интеграция в этом случае должна служить для улучшения работы национальных политических институтов¹⁷. «Европа» видится не как альтернатива национальной политической системе, а как способ ее укрепления. Поэтому Баттистелли и Беллуччи говорят о том, что поддержка итальянцами процесса интеграции предусматривает, в том числе, и элемент «национального эгоизма»¹⁸.

Подводя итоги, нужно выделить два основных момента, характеризующих настроения, распространенные в итальянском общественном мнении в отношении европейской интеграции. Во-первых, вопреки устоявшемуся убеждению, поддержка итальянцами интеграционного процесса в целом вызвана не слабостью их чувства национальной общности, а причиной исключительно «утилитарного», прагматичного характера - верой в то, что «внешние обязательства», которые накладывает на Италию участие в Евросоюзе, будут способствовать оздоровлению ее политической системы, и это позволяет говорить даже о их «евроопортунизме»¹⁹.

Во-вторых, несмотря на эту поддержку, все большее число граждан Италии сомневаются в том, что принадлежность к «Европе» представляет собой благо для страны и приносит конкретные преимущества. Такие

изменения, начало которым было положено Маастрихтским договором, дали, по мнению Маурицио Котты, профессора Сиенского университета, начало новой фазе в отношениях между итальянцами и Европой - возникновению «разочарованного европеизма» или «европеизма разочаровавшихся», характеризующегося более критическим и внимательным отношением к ЕС²⁰.

Следствием таких изменений является разрушение «разрешающего консенсуса»²¹, под которым понимается одобрение общественным мнением любых действий политических элит, направленных на дальнейшее развитие процесса интеграции, характеризовавшего отношение к ЕЭС в Италии на протяжении 70-х - 80-х гг.. Кроме того, распространение более прагматичного и критического отношения к Евросоюзу приводит к «политизации» проблем, связанных с интеграционным процессом. Политические партии начинают использовать различные взгляды на будущее европейского строительства, в том числе и евроскептицизм, для привлечения избирателей, потерявших веру в абстрактный образ «Европы» как абсолютного блага для итальянцев, и таким образом для борьбы с конкурентами²².

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта ИГУ «Поддержка научно-исследовательской работы аспирантов и молодых сотрудников Иркутского Государственного Университета» (номер темы - 111-02-000/7-19).

Приложения

¹ Standard Eurobarometer 45, December 2006

² Sbragia A. Italy Pays for Europe: Political Leadership, Political Choice and Institutional Adaptation / in Maria Green Cowles, James Caporaso, and Thomas Risse (eds.), *Transforming Europe: Europeanization and Domestic Chang.* – Cornell University Press, 2001. - P. 94.

³ Термины «*sostegno diffuso*» и «*sostegno specifico*» введены Пьеранджело Изерния, подробнее см.: Isernia P. L'Europa vista dagli italiani: vent'anni dopo / in Maurizio Cotta, Pierangelo Isernia e Luca Verzichelli (a cura di), *L'Europa in Italia. Elite, opinion pubblica e decisioni* – Bologna: Il Mulino, 2005. - pp. 223-276

⁴ Обобщенные данные: Standard Eurobarometer 38-64, December 1992 - June 2006, эти результаты совпадают с результатами других опросов, проводившихся в Италии. См. напр.: Lapolla A. Tendenze evolutive dell'atteggiamento dell'opinione pubblica italiana nei confronti dell'integrazione europea / in Michele Comelli e Ettore Greco (a cura di) *Integrazione Europea ed Opinione Pubblica Italiana // IAI Quaderni.* – N. 25 (Maggio 2006). – Rome, Istituto Affari Internazionali, 2006. - pp. 9-23

⁵ Standard Eurobarometer 50 - 64, March 1999 - June 2006

⁶ Diamanti I., Bordignon F. Gli italiani si riscoprono euroentusiasti // *Limes.* - 2002. - N. 1. - P. 58

⁷ Mancini G. F. The Italians in Europe // *Foreign Affairs.* – N. Y., 2000. - Vol. 79. -N. 2. - pp. 122-134

⁸ Standard Eurobarometer 38, December 1992

⁹ Standard Eurobarometer 42, 52, 54, 56, 60; Spring 1995, Autumn 1999, Autumn 2000, Autumn 2001, Autumn 2003

¹⁰ Isernia P. L'Europa vista dagli italiani. Op.cit. P. 267

¹¹ Ibid. pp. 257-264

¹² Standard Eurobarometer 40-61, December 1993 - Spring 2004

¹³ Battistelli F., Bellucci P. L'identita' degli italiani tra euroscetticismo ed europortunismo // *il Mulino.* - 2002. - N. 1 (399). - P. 80

¹⁴ Ibid. P. 81

¹⁵ Standard Eurobarometer 64, June 2006

¹⁶ Standard Eurobarometer 62, 60, 58; Autumn 2004, 2003, 2002

¹⁷ Battistelli F., Bellucci P. L'identita' degli italiani.. Op.c11;. pp. 82-83

¹⁸ Ibid. P. 84

¹⁹ Ibid. P. 84

²⁰ L'Europa in Italia. Elite, opinione pubblica e decisioni / a cura di Maurizio Cotta, Pierangelo Isernia e Luca Verzichelli. – Bologna: Il Mulino, 2005. - P. 385

²¹ Della Porta D., Caiani M. Talking Europe in the Italian Public Sphere // South European Society and Politics. - 2007. - Vo1. 12. - N. 1. - P. 2

²² Biorcio R. L'Unione in Italia: chi ha paura dell'euro // il Mulino. - 1998. - N. 3. -pp. 542-544

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

Вахрушев Ю.П.

Байкальский государственный университет экономики и права

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РЕСУРСНО-СЫРЬЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

В настоящее время наблюдается последовательная реализация планов по превращению России в ведущую энергетическую державу мира.

В рамках этой программы осуществляется интенсивная эксплуатация старых месторождений, проводятся интенсивные работы по открытию и освоению новых северных нефтегазовых провинций, строительство магистральных путей для переброски энергоресурсов в весьма отдаленные зоны потребления в страны Запада и Востока, в последнее время озвучены претензии по освоению шельфа арктических морей, вплоть до северного полюса. Последовательно реализуются планы строительства центров по производству и утилизации ядерного топлива для АЭС, которые предполагается строить и сдавать под ключ для всех государств, желающих таким образом решить собственные энергетические проблемы. Обнародован целый ряд инициатив, направленных на создание гарантий по обеспечению энергетической безопасности традиционных потребителей. Все это свидетельствует о присутствии политической воли по выполнению весьма амбициозных задач. При этом, однако, в последнее десятилетие, по разным причинам, молчаливо был признан отказ от сохранения и восстановления в полном объеме индустриального наследия СССР, оставшегося в пределах современной России. Судя по всему было дано согласие на включение ее в существующее международное разделение труда, но на условиях специализации на добыче и транспортировке первичных энергосырьевых ресурсов к местам создания конечного продукта.(1)

В этой связи возникает целый ряд вопросов, и, прежде всего, о социально-политических последствиях переориентации существующего промышленного механизма на энергосырьевую направленность как современной, так и экономики России будущего.